

Игнатий ДВОРЕЦКИЙ:

СОПРИЧАСТНОСТЬ

— Игнатий Моисеевич, было бы естественно и оправданно, что после такой крупной творческой удачи, как «Человек со стороны», вы продолжите разрабатывать производственную тему, тем более что это снова обещало успех. Вы же пишете пьесы «Ковалева из провинции», «Веранда в лесу», «Директор театра» — я называю лишь самые значительные, на мой взгляд, ваши работы последних лет. Как это получилось? Что это — нежелание повторяться или ощущение ограниченных возможностей жанра?

— Хотелось сказать о многом другом и иными средствами. Может быть, это было ошибкой — отход от производственной драмы в чистом виде. Судите сами. У меня тогда появилась уверенность, что производственная тема и должна, и имеет возможности выходить на просторы психологизма.

Термин «производственная» нередко употреблялся как уничижительный соотносительно с литературой на другие темы. Но ведь самые сильные переживания, самые сложные и конфликтные, часто связаны именно с нашей работой. Для многих работа — вся жизнь. Что тут подделаешь? Это данность. А там, где жизнь, должна быть и литература.

Некоторые наивно полагают, что литература такого плана — изобретение двух-трех последних десятилетий. А вспомним! Сент-Экзюпери писал о гражданской авиации в период ее становления, о работе летчика, о производственных, как мы теперь бы сказали, отношениях между людьми — подчиненными и руководителями, о долге, о дисциплине труда, о самолете, наконец. Но прежде

де всего «Ночной полет» — о человеке, его душе, судьбе.

— То есть вы считаете, что термин «производственная» обозначает лишь место действия, что ли. А цель такого произведения та же, что и у всей литературы. Почему же не столь часты, как хотелось бы, здесь удачи?

— Причин здесь много и объективных, и субъективных: не знаем как, не умеем, непривычно, не вдохновляемся, не ищем. Трудно освоить новое — новые понятия, явления, связанные с научно-техническим прогрессом, опосредовать их в форме драматической, преобразовать в художественное. Взять хотя бы язык. Есть слова, уже замечательно освоенные литературой, а есть совсем неосвоенные.

— Не об этом ли говорил Сент-Экзюпери: «Пытаясь охватить мир сегодняшний, мы черпаем из словаря, сложившегося в мире вчерашнем»...

— Да. Вот, например, небо. Оно и бездонное, и недостижимое, и расклевное, и промозглое — четыре страницы определений к нему в Словаре эпитетов. А про машину что скажешь? Что она большая? Надежная?

— Это, по-видимому, относится ко многим литературным жанрам...

— В драматургии наличествует и дополнительная сложность: в идеале пьеса должна рождаться в театре. Но культура тесного повседневного общения драматурга и театра утрачена. А это крайне важно.

Ленинградский тюз предложил мне как-то сделать пьесу о нынешних школьниках. Жизнь незнакомая, я отказы-

вался, планы были другие. Театр настаивал, убеждал. Не все подробности помню. Собственно, все решило внимание театра к моей персоне. Внимание — это такая редкость. Показалось, что я и в самом деле им очень нужен. Это ли не стимул? Сло-

вом, как на работу, каждое утро начал ходить в математическую школу. Ко мне там даже куратора прикрепили, который, так сказать, вводил в атмосферу. Через три месяца стало ясно, что пьесы не напишу. Да, узнал много забавного, интересного, узнал проблемы, героя не было — не нашел. Горько, но объявил новым друзьям, что, мол, ухажу, зря потратил время. И пошел домой. Визу, куратор догоняет, говорит мне: «Я на вас столько сил потратил. Все вам открыли, ничего не прятали». Ну, я оправдывался, от души благодарил за помощь. «Постойте, — говорит он, — я вам еще про одного мальчика не рассказывал. В прошлом году окончил нашу школу. Он талантливый математик, победитель всех олимпиад, статью в математическом журнале напечатал, знаменитость, словом. Его на мехмат без экзаменов брали, а он поступил на биологический». «Поче-

му?» — спрашиваю. «А потому, что ростом невысок, низенький и очень страдал от этого. Где-то он прочел, что гормон роста вырабатывает мозговой придаток — гипофиз, решил изучить вопрос и добиться того, чтобы со временем все люди стали большими. Бредовая идея, но я подумал...» — он замолчал.

И тут я понял, что хочу написать об этом мальчишке. Мой будущий герой, думал я, отказался от великого математического будущего ради, может быть, несбыточной цели. По моим представлениям это был гражданин. Все мы работаем и для себя, и для других, но именно соотношение для себя и для других определяет ценность человека.

Вообще-то начинал я как прозаик. И если бы можно было повернуть все вспять, чередовал бы прозу и драматургию. Год бы писал прозу, год — пьесу. Потому что театр для драматурга — промежуточное

звено между ним и аудиторией, а каждому хотелось бы обращаться к ней напрямую.

— Игнатий Моисеевич, вы руководите драматургической мастерской в Ленинграде. На что вы в первую очередь ориентируете своих студийцев?

— Я глубоко убежден, что все начинается с позиций и все в нее упирается: хочу я участвовать в сегодняшней жизни или не хочу!

хочу я сегодня что-либо говорить во всеуслышание или не хочу — это наперевые вопросы, которые должен для себя решить писатель.

Вот, например, Чехов. При всей его одухотворенности, мягкости, искренности, человечности, тонкости он был еще и ярким публицистом, а временами даже открыто тенденциозен. Великий драматург не боялся впрямую говорить о смысле жизни, о том, зачем живем, о том, что труд создает духовного человека. Казалось бы, такие простые вещи! Но Чехов как никто умел находить для них художественные эквиваленты.

На писательской конференции в Тюмени я наблюдал, с каким любопытством И. Дворецкий вникает в самые различные проблемы этого края — социальные, экономические, экологические, с каким интересом разговаривает с руководителями промышленных предприятий, с рядовыми рабочими, с каким энтузиазмом выступает перед ними, как горячо принимает его аудитория. Я по-

интересовался, может быть, драматург собирает материал для будущей пьесы? Может быть, он решил снова вернуться к производственной теме, но, наверное, уже на каком-то другом, новом уровне?

— Надеюсь. Меняется время, меняемся мы, наши взгляды. Недавно я слушал, как один сибирский ученый рассказывал с трибуны о результатах анкетирования, которое провели в Тюмени среди приехавших туда трудиться. На вопрос, что их туда привело, многие отвечали — выскорый заработок. Я, сидя в зале, ахнул про себя: сейчас, думаю, последует такой ужасный вывод. Но этот ученый спокойно продолжал: «Естественно, человек должен хорошо зарабатывать». И я снова подумал, как все меняется. Чешкова многие упрекали за то, что он начинает новую работу с требования о зарплате, квартире и так далее. Прошло чуть больше 10 лет, и теперь это воспринимается естественным образом. Что ж, мы растем вместе со страной. Прежде в чем-то мы проявляли такой максимализм, что сами от этого теряли. Сейчас уже никто не будет спорить, что человек не может жить без необходимого ему, без естественного удовлетворения своих потребностей.

Производственная пьеса — это планы будущего. Правда, очень недалекого, а сейчас делаю кое-что другое.

— Если вам не кажется преждевременным, не могли бы вы немного рассказать об этой новой работе?

— Происходит все в «Обществе любителей кактусов», которое создал у себя дома Анем-

подист Кошаров, главный герой, именуемый членом общества президентом, а себя — президентом. Ему 79 лет. Он интеллигент чуть ли не в сотом поколении, воевал, служил в войсковой разведке, допрашивал пленных немцев, крепкий старик, жизнелюб.

Внешне в этом обществе все идет гладко и размеренно — они следят за «кактусоведением», разводят кактусы, даже варенье из них варят. А внутри там свои отношения, каждый по-своему одинок или неустроен, у каждого какая-то беда — сплотились, живут вместе. Прямого сюжета в этой истории нет. Интересно и существенно в ней то, что Кошаров создал общество не ради цветов, а для спасения себе подобных, хотя сам об этом не говорит никогда. В конце концов всегда трудно определить, кто кого спасает, все мы частички целого: спасаем других — спасаем себя, спасая себя — спасаем других. Сами же герои будущей пьесы называют свое общество смешным, повторяют это без конца, как бы стыдясь немного. Словно говоря: происходящее с нами нельзя воспринимать всерьез. Я сейчас вот о чем думаю: это такая тонкая субстанция — это общество кактусоводов, такие люди, что если о них говорить слишком всерьез, то станет и скучно, и, по-моему, не нужно. Впрочем, это не комедия, скорее драма. У меня нет пока уверенности, что пьеса получится, но очень хочется писать. Интересно.